УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЁГИН

ПРАВЕДНИК

БОЖИЙ СПЕЦНАЗ

ПРАВЕДНЫЙ ДЕТЕКТИВ -
ВЕРОЙ И СИЛОЙ

Михаил Георгиевич Серегин

Божий спецназ

Серия «Праведник», книга 8

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=427562
Батюшка. Божий спецназ: Зксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-44368-0

Аннотация

Священник Василий служит в тихом северном поселке, мирная жизнь в котором прекращается в тот момент, когда из расположенной неподалеку зоны заключенные устраивают побег. Отцу Василию придется разбираться с терроризирующими население уголовниками, благо он обладает неплохой армейской подготовкой, которую ему в свое время дала служба в войсках спецназа.

Михаил Серегин
Божий спецназ

Отец Василий поднялся с камней, опираясь на дерево. В ногах была такая тяжесть, будто к ним привязали пудовые гири. Все было кончено. За какие-то две минуты, в которые огонь выжег дотла траву в овраге, кусты, нижние ветви деревьев. И людей. Для него они все равно были люди, создания божьи.

Священник тяжелыми шагами двинулся вперед, к оврагу. Тела, точнее, обожженные туши, почерневшие, со следами одежды и обуви. Еще несколько секунд назад они метались в огне и падали под пулями. Выбегали, полыхая как факелы, а их косили автоматные очереди.

А ведь лето начиналось так безоблачно. Сначала болезнь жены, потом это! Какие еще испытания уготовил ему Господь? Отец Василий стоял над местом побоища и молился. Молился за тех, кто все это совершил, за души погибших, за ниспослание ему сил и мужества вынести все это и остальное, если Господь решил испытать его снова – на чистоту его помыслов, стойкость веры и любовь к ближнему.

* * *

– Что ж ты, товарищ майор, не в форме приехал? – поин-

тересовался отец Василий у Рогова. – Похвастался бы новыми погонами.

– Мне это майорство нужно только для пенсии и выходного пособия, – отмахнулся бывший участковый. – Пусть мальчишки погонами хвалятся. А с меня хватит.

– Значит, все?

– Все, батюшка, – весело ответил Рогов. – Я свое отслужил. Уже неделю, как заслуженный пенсионер.

– Ну, а дальше-то что решил? Какие планы?

– Да нормально, Миш, – ответил уже без энтузиазма Рогов, назвав священника его мирским именем. – Сосватали меня заместителем директора частного охранного агентства. Если все нормально, то есть шанс и филиал возглавить, со всеми вытекающими отсюда финансовыми благами. Так что я на плаву, – и уже тихо, глядя священнику в глаза, добавил: – Благодаря тебе.

– Ну уж! – насколько мог искренне отмахнулся священник. – Ты алкоголиком никогда и не был. То, что пить вовремя бросил, – это твоя заслуга, а не моя. Твое решение и твоя воля. А то, что толковым ментом был, это все знают и помнят, включая и твое начальство. Ты лучше скажи, как у тебя там в районе с жильем? Я смотрю, ты вещички уже сложил.

– В санатории буду жить, – с хитрым видом ответил Рогов.

– Как это? – не понял отец Василий.

– Шучу. В одном из ведомств, с которым работает агентство, мое начальство арендует помещения в профилактории

для своих нужд, в том числе и для своих сотрудников. Так что у меня шикарный двухкомнатный номер с балконом, душем и туалетом на втором этаже. Если все будет хорошо, возьму кредит и куплю квартиру. Дом ты у меня купил, так что на первый взнос хватит, а остальное заработаю. Да что ты все обо мне да обо мне. Как супруга-то твоя?

– Не очень, Афанасий Петрович, – грустно сказал священник. – Операцию она перенесла серьезную. Ей теперь реабилитация длительная нужна. Перемену климата врачи ей сейчас категорически запретили. Не раньше будущего года, если восстановление пойдет нормально.

– Жаль, – покачал головой Рогов. – Так я и не познакомился с твоей матушкой и сынишкой. Ну, ничего. Выздоровеет, привезешь сюда, пир закатишь и меня кликнешь. Мы с Олежкой, как метеоры, прилетим. Скучает он без тебя, привязался за это время.

– Обязательно позову, – согласился с грустной улыбкой отец Василий. – Праздник у меня будет большой, а что за праздник без близких друзей?

В комнату, вежливо постучав, вошел молоденький лейтенантик с большой черной папкой в руке.

– Афанасий Петрович!.. – начал было парень, но, увидев рядом с бывшим участковым священника, осекся. – Извините, не хотел мешать.

– А! Заходи, заходи, Белоусов, – махнул рукой Рогов и торжественно, с шутливой улыбкой представил: – Вот позна-

комься, батюшка, это ваш новый участковый, лейтенант милиции Белоусов.

Отец Василий протянул руку высокому худощавому лейтенанту с юношеским пушком на подбородке, но уверенным и серьезным взглядом.

– Отец Василий, протоиерей здешнего храма, – представился священник.

– Белоусов, – ответил лейтенант, подумал и солидно добавил: – Павел Борисович.

– Прошу любить и жаловать, батюшка, – продолжил Рогов, – молодой энергичный парень. Только что закончил юридический институт МВД. Направлен сюда набираться опыта и самостоятельности. А это, Паша, – повернулся он к новому участковому, – тот самый отец Василий, о котором я тебе рассказывал. Можешь считать, что ты здесь на курорте. Главное, бумажки вовремя пиши и в папку подкалывай, а отец Василий за тебя всю работу в районе сделает. Кого надо воспитает и даже, если надо, поймает и отконвоирует.

– Ладно тебе, Афанасий Петрович, – с укором сказал священник. – Так уж прям…

– Ничего, ничего, – продолжал настаивать Рогов. – Про твои подвиги не только я ему рассказал, ему и в Управлении про тебя рассказывали. Вот, Паша, видишь на руке священника часы? Когда начальник Управления тебе такой подарок за доблестную службу сделает, можешь считать, что первую ступеньку по карьерной лестнице ты преодолел. А с отцом

Василием контакт поддерживай. Его тут уважают, он много чего про кого знает. Советом всегда поможет.

Белоусов как-то странно улыбнулся при этих словах и отвел глаза в сторону. Священник сразу понял, что гонор у парня есть. Такие не любят советы слушать, они полагаются лишь на себя. Сначала шишек набьют, дров наломают и только потом уже научатся ценить и чужой опыт.

Как Рогов ни настаивал, как старательно ни соглашался отец Василий, новый участковый категорически не согласился жить в бывшем доме Рогова, который теперь стал домом священника. Он твердо решил поселиться пока в опорном пункте, а за лето начальство обещало решить вопрос с жилой утепленной пристройкой к нему. Рогов расценил отказ как упрямство, а священник как инфантильную стеснительность, но в отличие от бывшего участкового свою точку зрения озвучивать не стал.

– Ты его строго не суди, – сказал Рогов, когда Белоусов ушел. – Молодой еще. А так, говорят, специалист хороший. Отличник учебы.

– Специалистом станет, когда лет пять поработает, – возразил священник. – Когда опыт появится, а гонор убавится.

– Это конечно, – кивнул Рогов. – Вот пусть здесь и набирается. Работы не очень много, зато опыта общения с людьми наберется точно. В нашем деле ведь от умения общаться и разбираться в людях очень многое зависит.

Отец Василий обратил внимание, что Рогов сказал «в на-

шем деле». Священник давно понял, что старый участковый, а до этого хороший оперативник, свою работу любил, хотя в последнее время и говорил о ней как о надоевшей. Ему будет легче, если у него нормально пойдет работа в этом частном охранном агентстве, подумал отец Василий. Все же дело знакомое, скучать и рефлексировать будет некогда. Прокис бы Рогов в простых охранниках или завхозах, о чем он говорил прошлым летом. Да и сыну его Олегу будет за что отцом гордиться.

– Знаешь что, Миша, – неожиданно предложил Рогов, – давай я тебе ружье свое подарю. На память.

– Не надо, зачем? – удивился священник.

– Как зачем? Вон с Матюшиным будешь иногда душу отводить. Или вам по сану охотиться запрещено?

– Такого строгого устава не существует, – ответил священник. – Просто нехорошо это. У меня самого не лежит душа ради забавы зверей и птиц убивать, и люди будут косо смотреть, и епархия. Ты представь, если, скажем, участковый будет по вечерам в нерабочее время ходить с бутылкой к поднадзорному, получившему условный срок? Ни уголовный, ни гражданский кодекс он этим не нарушит, и уставу не противоречит, а люди и начальство будут недовольны. Да и сам нормальный мент так не поступит. Согласен?

– Тогда я просто его у тебя оставлю, на хранение. Буду навещать, на охоту ходить. Такой вариант приемлем?

– Приемлем, – с улыбкой согласился отец Василий. –

Оставляй, что с тобой делать…

Рогов уехал. Отец Василий только теперь ощутил, как пуст стал его дом. Пока Петрович улаживал свои дела в Управлении и днями пропадал в райцентре, это не так ощущалось. Вроде как на время уехал, и ничего… Теперь же одиночество было настоящим. И приезд Олюшки с Мишаней откладывался как минимум на год. Везти больную жену сразу после операции, даже если все и будет хорошо, прямо в суровую якутскую зиму тоже не стоило. Акклиматизация должна проходить при щадящих условиях. Хотя бы в течение лета, хотя оно здесь и гораздо холоднее, чем в Поволжье. Вроде бы юго-запад Якутии, почти на границе с Иркутской областью, и снега побольше, и зима помягче, чем севернее в лесотундре. Но все же…

Два ближайших дня отец Василий налаживал службу в храме. И его помощник священник отец Никодим, и дьяк отец Трифон к состоянию отца Василия относились с пониманием, вели себя крайне внимательно. Но от этого становилось только тяжелее, будто к тебе относились как к больному. Отец Василий увеличил до предела утренние нагрузки во время зарядки, а потом добавил еще и вечерние, но утешения это не приносило. Забыться не удавалось.

Наутро отец Никодим встретил отца Василия у входа в храм с плохими известиями. Оказывается, Пашутин, бывший некогда председателем колхоза, убежденный коммунист, развернул в селе бурную деятельность. Чего не хватало

старику с хорошей пенсией, было совсем не понятно. То ли старая антирелигиозная закалка не давала спать спокойно, то ли еще что. Пашутин в последнее время, особенно когда открылся храм, зачастил в начальную школу села. Он был в курсе всей общественной жизни Верхнеленского, знал, что ближайшей осенью откроется наконец средняя школа. Для всего села была радость, теперь детям не придется ежедневно ездить автобусом за тридцать километров. Пашутин же стал активно интересоваться учебным процессом, программой и, в частности, факультативными часами. Знал старый коммунист, где копать, и накопал факультатив православной тематики. Никто не собирался, да Министерство образования и не разрешило бы включать в курс средней школы Закон Божий. Однако чисто ознакомительный факультативный курс по истории религии, и православия в частности, вызвал в Пашутине настоящую злобу. Убежденный атеист накатал длинную и пространную телегу в районный отдел образования, и оттуда примчалась комиссия. Более того, из епархии, куда неугомонный Пашутин послал копию своей жалобы, пришел ответ на имя отца Василия далеко не лицеприятного содержания. Рекомендовалось наладить более мирные отношения с общественностью и не давать повода к созданию ситуации негативного отношения к церкви. Иными словами, отца Василия попрекнули слабой компетенцией и подрывом авторитета церкви.

Пришлось отцу Василию звонить в епархию и объяснять-

ся. На самом деле инициатива такого факультатива исходила от руководства школы, а никак не от священника. Отец Василий согласился лишь вести этот факультатив в соответствии с предложенной программой. Программа была весьма нейтральной, если уж говорить об опасениях Пашутина, и никоим образом не имела пропагандистской направленности. От отца Василия требовались только его знания.

Портил кровь священникам и другой персонаж. Немолодой уже мужик, коренной сельчанин и неудачник Гусев. С начала перестройки он пытался то организовать птичник, то заняться изготовлением кладбищенских оград, чем-то еще. Но все его начинания рушились по двум причинам. Он был пьющим и завистливым мужиком, но весьма недалеким. Отец Василий давно подозревал, что Гусев попал под влияние Пашутина, который его подзуживал и потихоньку спаивал. Делалось это не явно, но то, что декларировалось самим Пашутиным, всегда имело продолжение в виде полухулиганских выходок Гусева.

Рогов, будучи участковым, умудрялся каким-то образом ладить с ними обоими. Если Гусева удавалось держать в узде угрозой административного ареста сроком до пятнадцати суток или вообще привлечением к уголовной ответственности за хулиганство, то с Пашутиным он находил какой-то другой язык. После отъезда Рогова и появления нового, молодого участкового ситуация снова начала накаляться. Отец Василий буквально хватался за голову, не зная, что и пред-

принять. Он пытался и говорить по-хорошему, и воздействовать через муниципального управляющего Прокопенко, которому, в свою очередь, тоже доставалось от ярого противника частной собственности Пашутина. Относиться «без гнева и пристрастия» к этим двум личностям отец Василий уже не мог, и от этого на душе у него становилось муторно. Нужна была какая-то разрядка, смена обстановки, чтобы он мог восстановить свои душевные силы.

Выручил Матюшин. Или с ним хитрый Рогов поговорил, или, как человек наблюдательный, старый охотник сам догадался о состоянии отца Василия. Заявился к нему в гости около девяти вечера.

– Вечеришь, батюшка? – вместо приветствия спросил охотник.

– А, заходи, Матюшин, – улыбнулся священник. – По делу зашел или как? Могу чайку поставить. Посидим, почаевничаем.

– От чаю не откажусь, – согласился Матюшин и чинно уселся за стол, сложив руки перед собой.

– Слушай, – подал голос из сеней отец Василий, гремя чашками, – а как тебя по имени-отчеству-то величают? А то все Матюшин да Матюшин.

– А так и зови, – весело ответил охотник. – Все зовут – и ты зови. Я и сам привык уже, и люди привыкли. Почитай, лет пятьдесят меня так на селе кличут.

От бутербродов, варенья и пряников охотник отказал-

ся. Аккуратно наливая чай в блюдечко и держа его высоко перед собой, он аппетитно прихлебывал чай. Разговор пошел неспешный: о погоде и о строительстве новой линии электропередачи, которая пройдет в двух километрах от села. Особо Матюшин уделил внимание в разговоре новому участковому и только потом заговорил о храме и воскресной школе.

– Это ты, батюшка, хорошее дело затеял. Когда же еще, как не с детства, прививать детям доброе? Когда вырастут и начнут своим умом жить, спохватишься, а его, ума-то, и нет. Говоришь, там музыку и танцы будут вместе с Законом Божьим преподавать?

– Не только, – кивнул священник. – Воскресная школа – это ведь не учебное заведение. Это дополнение к школьному и семейному образованию и воспитанию. К тому же это чисто церковное образование, приобщение к вере, к храму, духовности Православной. Помимо Закона Божьего, истории Ветхого и Нового Завета, изучения богослужения, заповедей, молитв, правил поведения в храме, обычно изучают российскую историю и историю родного края. Но только не в плане хронологии событий и явлений, а в плане духовности, культуры. Все остальное дает обычная государственная школа. А дома что? Не все ведь родители могут интересно, а главное, правильно подать то, что необходимо детям. У кого-то образования не хватает, знаний, у кого-то педагогических способностей. Воскресная школа – место духовно-

го воспитания, а программа может быть любой. Знавал я одного человека, еще на Волге. Так вот он умудрялся духовно воспитывать подростков, занимаясь с ними единоборствами, военными играми. Понимаешь, научить детей драться и в то же время вложить в них неприятие насилия. Как?

– От оно как! – покачал головой старый охотник. – Это вроде как я всех сильней, но если вы меня не тронете, то и я вас не трону, а если трону, то всем несдобровать. Как в тайге с медведем: не трогаешь его, и он тебя сторонится, а как поперек дороги ему станешь, то только держись.

– Вроде того, – усмехнулся священник сравнению. – Только небольшая разница есть. Медведь в лесу живет сам по себе. А человеку в обществе жить с людьми. Тут другой подход нужен. Да и умение владеть своим телом не помешает, другая логика взаимоотношений.

– Да это я понимаю, – серьезно кивнул охотник и тут же сменил тему разговора: – Я вот чего и пришел-то, батюшка. Гляжу я на тебя, год уже гляжу и вижу, как ты душу вкладываешь в свое дело.

– Как же еще в нашем деле и без души? – улыбнулся отец Василий.

– Оно понятно, только я не об этом. Вижу, как тебе тяжело. Семью вот не можешь привезти сюда. Трудности – они в каждом деле есть. Один их преодолевает через водку, другой через нервы. Посуду бьет сгоряча, например. А тебе нельзя, на тебя все село глядит. Вот я и хотел предложить тебе, ба-

тюшка: сходил бы ты со мной в тайгу на недельку. Поохотились бы, природой подышали. Природа – она ведь не только через легкие воспринимается, а через кожу, глаза. В ней побыть нужно, тут душа-то и успокоится, силу обретет.

– Охотиться мне вроде не к лицу, – опешил от такого предложения отец Василий. – Ради баловства божьих тварей убивать…

– А ты не охоться, так со мной походи, – быстро согласился Матюшин. – А через неделю на мир будешь смотреть другими глазами. Тут ведь привыкнуть надо, люд здешний понять. Все наши в этой тайге выросли, среди природы. Вот и ты приобщишься.

– А может, и правда? – будто размышляя, проговорил отец Василий. – Неделя отпуска у меня есть.

– Вот завтра по зоре и выйдем, – обрадовался охотник. – Только ружьишко-то все равно возьми. Охотиться не надо, а в тайге без него никак нельзя. Всякое случается в лесу-то.

Когда на следующее утро солнце поднялось над сопками, Матюшин и отец Василий были уже далеко. Старый охотник повел священника тем же путем, каким они шли втроем с участковым в прошлом году, когда спасали сына Рогова. Интуиция подсказала Матюшину или он имел определенный осмысленный расчет пробудить воспоминания о событиях прошлого, было непонятно, но эффект был. Отец Василий без боли вспоминал уже о том, что было связано с этими местами. Природа умиротворяла, вносила чувство покоя, со-

гласия с собой и окружающим миром.

Днем говорили мало. В основном шли известными охотнику тропами, любовались открывающимися видами, цветами, небом, закатами и восходами. А вечером у костра за ужином вели неспешные беседы. Матюшин рассказывал о повадках животных и птиц, а отец Василий слушал его, понимая сказанное в своем ключе, через полную гармонию мира. Окружающая природа сложна и многообразна, и в то же время очень проста. Просты законы, движущие ею, вполне понятны, как и порядок взаимоотношений в ней. Священник невольно сравнивал их с законами человеческого общества и находил не только много общего, но и множество различий. Он понимал, что нельзя целиком, абсолютно отождествлять эти два тесно взаимодействующих и взаимопроникающих мира. И в то же время нельзя считать их изолированными, не влияющими друг на друга.

Самым главным, что почувствовал отец Василий за время этого небольшого путешествия, было то, что существует еще одна сторона мира. Был жестокий мир вокруг, где приходилось бороться с невежеством, пороками и грехом, в том числе со злом, в его откровенно неприкрытом виде. Был внутренний мир его самого, его семьи. Только теперь отец Василий понял, что существует не два мира. Точнее, не понял, а именно прочувствовал, как чувствуют вкус нового, например впервые попробованный фрукт или вкус родниковой воды. Почему он всегда делил окружающий мир на свой и не

свой? Мир-то был один, но огромный и прекрасный. Это было новое в его мироощущении, что отец Василий, а точнее, Миша Шатунов приобрел за последние годы. Сейчас он был благодарен Матюшину до такой степени, будто тот показал ему нечто невероятное.

В тайге было здорово, потому что это навеяло воспоминания о детстве, школьных походах, пионерлагере. Сколько всего знал и умел старый охотник, оставалось только удивляться! Оказывается, что вокруг столько не просто съедобного, но и питательного, полезного. Потому опытный человек вполне может пойти в тайгу вообще без припасов и прокормиться даже без ружья. А с каким удобством Матюшин устраивал их ночевки под открытым небом!..

– Я вот что думаю, батюшка, – завел очередной разговор старый охотник. – Как наш мир мудро устроен. Ведь взаимопонимание, оно сразу заложено в нас. И не только в человеке. Если разобраться, то всякая тварь в природе живет в обществе, а не сама по себе. Все живут стаями, в коллективе, потому что вместе легче выжить, прокормиться, детишек малых сберечь. Вот ведь как мудро! А внутри в каждой стае у всех свои взаимоотношения, взаимопонимание. И вожаками становятся в любом случае те, кто обладает нужными качествами. Кто в звериной стае вожак? Самый сильный. А почему? Потому что сила в этой стае больше всего ценится. Вожак и других молодых самцов в узде держит, и самки от него детей нарожают с хорошей наследственностью. Опять

на охоте он первый. А у нас вожаком бывает не сильный, а умный.

– Или хитрый, – вставил отец Василий.

– Пусть хитрый, – согласился Матюшин. – Без хитрости нельзя, потому как людей вокруг себя сплотить – это особый талант нужно иметь. Но с людьми-то понятно. А вот в природе почему так все устроено? Я всю жизнь в природе провел, заметил, что у животных тоже ум есть, только свой. Они ведь многое понимают, любопытные очень. Я расскажу тебе, как одно время на Дальнем Востоке с геологами в партии ходил. Идем мы, стало быть, ручьем по маршруту. Геологи свои дела делают, а я им быт устраиваю, с образцами помогаю. На второй день назад в основной лагерь возвращаемся, глядь, а по нашим следам – тигриные. Он ведь за нами несколько часов по тайге шел. А зачем, спрашивается? Интересны мы ему, любопытно ему, зачем это человек в такие дебри зашел, куда он отродясь не ходит. Чего человеку в этих местах понадобилось? Опять же запахи наши ему странными кажутся и интересными. Он же кошка, хоть и большая, а кошки все нюхать любят. Они ведь мир через запахи воспринимают. Геологи, особенно те, кто неопытные, понятное дело, боятся, что тигр может в любой момент из чащи броситься. А то был случай, когда тигр за нами тоже полдня по тайге шел, а потом на соседней сопке на солнышке улегся и глядит на нас. Молодой парнишка тогда со мной был, неопытный. Испугался и наотрез отказался в лагерь возвращаться.

– А были все же случаи, когда тигры нападали на людей? – спросил отец Василий.

– Вот тоже момент интересный, – ответил Матюшин. – Хищник на человека не нападает, как будто ему свыше предписано, что человек – не добыча.

– Как не нападает? – удивился священник. – А сколько случаев в мире бывает?

– Это про одни и те же случаи все время пишут. У зверей людоедство встречается гораздо реже, чем у самого человека. Хищник нападает, когда его разозлишь. Он человека боится и со страху нападает. А бывает, что воспринимает человека как хищника и тогда защищает свои охотничьи угодья. Бывает, что детенышей своих защищает. А так, чтобы напасть и съесть, такое очень редко бывает. Ведь все случаи-то какие? Напал тигр, медведь или какой другой хищник. Человек или сам приходит подранный, или его находят таким, но ведь не съеденным же! А если хищник напал и отпустил, значит, отпугнуть хотел, прогнать. Вот как.

– Ты, Матюшин, говорил, что в природе все животные – создания социальные, живут стаями и другими обществами, не знаю, как там они у них учеными названы. А хочешь, я тебя удивлю? – предложил отец Василий, улыбнувшись.

– Это чем же?

– А тем, что ты всю жизнь среди природы, а не знаешь, какое животное живет само по себе и без всякого общества.

– Это ты, батюшка, прости меня, загнул. Какое же такое

животное без общества живет?

– Паук, Матюшин. Всего лишь паук. Я недавно в Интернете вычитал. У них, к примеру, даже отсутствуют органы и способности к передаче информации. Принимать поступающую информацию могут, а передавать нет. У пауков часто бывает, что самец за всю жизнь ни разу с самкой не спаривался.

– Вон оно как! – удивился охотник. – Это, значит, зря я жизнь прожил? Ну и ну! Про пауков, честно скажу, не знаю, не слышал. Только сомнения меня берут. Как же они в таком случае свой род продолжают? Только если повезет случайно самку встретить, или они их на ощупь ищут? Что-то ты, батюшка, загнул. Во всей природе, что у нас, что в пустыне, что в Америке, самка о себе знать дает в нужный период. Подзывают они самцов, но все по-разному. Кто запахом, цветом, а кто звуками.

– Насчет самок я не уверен, – согласился отец Василий со смехом. – Там в этой статье не уточняли. Может, в период размножения самки как-то и дают о себе знать. Хитер ты, Матюшин, уел меня с пауками!

После третьей ночевки охотник решил, что пора и домой возвращаться. Путь для этого он выбрал трудный, но зато последний день их путешествия он легко прошел бы его на плоту, которым охотник хотел сплавиться до Лены. Если уж ощутить природу во всей красе, то как не пройти и по таежным рекам?

Однако не успели отец Василий с Матюшиным далеко уйти после последней ночевки и завтрака, как охотник вдруг стал хмуриться и крутить носом.

– Ты что, пожар учуял? – поинтересовался священник.

– Нет, пожаров в этих местах не бывает, слишком влажная здесь тайга.

– Слушай, а теперь и я чувствую. Воняет чем-то. Может, медведь сдох?

– Это не медведь, – ответил охотник, лицо которого стало напряженным. – Это запах человеческого разложения.

– Кто же… – начал было отец Василий и опомнился.

Беда могла случиться и с охотником. Мог потерпеть крушение, к примеру, вертолет. Хотя звуки крушения вертолета, как и звуки его мотора, они давно бы уже услышали.

– Пошли, – наставительно сказал Матюшин, как будто продолжал учить своего спутника законам таежной жизни. – Надо смотреть. Если беда, то сообщать надо, а тело похоронить. Плохо, если хищник попортит.

Стараясь не отклоняться от направления, Матюшин выбирал путь к источнику запаха. Приходилось сильно петлять, а местами просто пускать в ход топор, чтобы пробиться через зеленую стену зарослей. Отец Василий удивился, что с приближением к месту он не чувствует усиления запаха. Скорее всего, это чисто психологический эффект. Для большинства людей запах разлагающегося человеческого тела является стойким запахом, от которого трудно избавиться. Даже

когда покидаешь это место, то запах ощущается как бы в памяти, и человек считает, что продолжает его ощущать.

– Мокрая зола, – пробормотал Матюшин.

– Что? – не понял отец Василий, продираясь через густой кустарник, раздвигая руками тонкие ветви деревьев и ныряя под толстые.

– Костер там разводили, – пояснил охотник, – мокрой золой пахнет. Сутки или двое как разводили.

Наконец впереди показалась неприметная низина, в которой журчал ручеек. Часть низины была устлана мелким щебнем, поэтому растительность внизу была не такой густой. Темное пятно – остатки большого костра, множество наломанных березовых ветвей и лапника, остатки сушняка, который жгли в костре. Вот и вся картина пребывания здесь человека.

Шурша ногами по мелким камням, охотник сбежал в низину первым. Судя по тому, что он не осторожничал, людей поблизости не было. Отец Василий спустился следом и сразу почувствовал запах крови, горелого мяса и трупный запах. Он не смотрел в ту сторону, где Матюшин отбрасывал наваленные кучей ветки, он сразу вдруг все понял. Слышал он уже о таком, когда служил в спецназе внутренних войск, хотя самому таких следов видеть не приходилось.

– Ай-ай-ай, – покачал головой охотник, – как же это могло произойти? Даже подумать страшно. В голову всякие ужасы из книжек лезут.

– Это на самом деле, Матюшин, – ответил ему отец Василий, подходя и становясь за спиной. – То, на что ты подумал, было здесь на самом деле.

– Что же это за люди такие? – не верил своим глазам старый охотник.

– Это уголовники, Матюшин, – ответил священник, хмуро глядя на человеческие останки, которые тот раскопал среди сучьев. – Которые сбежали из колонии. А этот называется «консервы». Они специально подговаривают бежать с собой кого-нибудь из молодых и упитанных, когда знают, что идти придется очень долго в безлюдных местах. Потом его убивают и несколько дней питаются его мясом.

– Это же людоедство!

– Именно, – холодно ответил священник, – именно людоедство. Вот тут у них и кончились припасы. Здесь они его убили, а тут жарили на костре мясо. Теперь они ушли дальше, а часть прокопченного мяса взяли с собой. Видишь, вон и ботинки зэковские разбитые валяются. Кто-то свои бросил, а его, которые покрепче, надел. И одежду всю забрали. По ночам здесь очень холодно. А майка и трусы казенные, все это мне хорошо знакомо.

– Ты, батюшка, видать, когда-то к этим делам отношение имел?

– Имел, Матюшин. Я в спецназе служил и этой братии повидал.

– Теперь понятно, почему у тебя чернота с души так долго

не сходит, – грустно ответил охотник.

– Ты лучше подумай, куда эти хищники могут дальше пойти. Они, говоришь, еще вчера здесь были, судя по следам костра?

– Вчера утром как раз и снялись, – подтвердил Матюшин. – Только нет у них тут дороги. Знали, что ищут, вот в самые дебри и подались. Им нужно на юго-запад было идти, а они по этой низинке на север подались. – Неожиданно охотник как-то странно поежился. – А ведь они скоро поймут, что пути у них там нет, и вернутся, этой же дорогой вернутся. Или им назад на восток подаваться.

Отец Василий вдруг понял, что старик просто испугался встречи с этим зверьем в человеческом облике. Вот так, подумал священник, бесстрашный охотник, который не боится неделями в одиночку бродить по тайге и знает, что ждать и как себя вести при встрече с любым хищником, а вот с этими дикарями встречаться испугался, потому что это нелюди. Простых злодеев Матюшин не побоялся бы, потому что поведение любого, даже самого плохого человека руководствуется человеческой логикой, а вот у этих чем оно руководствуется?

Отец Василий читал молитвы за упокоение души погибшего парня-уголовника, искренне просил Господа за тех, кто это совершил. Прошло очень много лет, прежде чем батюшка научился относиться к людям, совершавшим зло, как к людям, достойным жалости. Они не только не ведают, что

творят, они не ведают и того, что их ожидает. Они при жизни ввергают себя в геенну огненную. Это души, нуждающиеся в спасении. Злом зла не искоренить, а любовь всесильна. Доказательство этого – путь Иисуса, принявшего из любви ко всем людям на себя их грехи, претерпевшего ради них страдания и мученическую смерть на кресте.

– Шестеро их здесь было, – наконец сказал Матюшин, который закончил ходить по площадке около костра и окрестным кустам.

– По следам определил?

– Каждый человек, да и зверь, всегда оставляет следы, и не оставлять он их не может, потому как живой организм, – философски заметил охотник. – Каждое живое существо гадит, а человек делает это преимущественно по утрам.

– Ясно, – усмехнулся отец Василий, – по продуктам жизнедеятельности определил. А я думал, что ты, как истинный следопыт, следы ног читаешь.

– И по следам ног тоже, но по дерьму надежнее. Что делать-то будем, батюшка?

Отец Василий не успел ответить, как невдалеке ударили сначала две автоматные очереди. Затем эхом по тайге раздалась такая стрельба, будто целый взвод отбивал в окопах мощную атаку противника. Матюшин от неожиданности даже присел на месте и непроизвольно втянул голову в плечи. Священник сразу же закрутил головой, пытаясь определить направление того места, где началась перестрелка.

– Вот и все, Матюшин! – крикнул он охотнику. – Далеко не ушли. Настигли их. Конец злодеяниям. Кого живыми возьмут, те уже никогда белого света не увидят. Это уже пахнет пожизненным заключением.

– Значит, правда, что сейчас не расстреливают, а куда-то ссылают навечно?

– Правда, Матюшин. Теперь высшая мера наказания – вечная изоляция от общества.

– Вот это правильно, – удовлетворенно согласился охотник. – Негоже одному человеку отбирать жизнь у другого, нету такого права ни у кого. Я вот все время думал, кто они такие – те, кто расстреливает по приговору. Это же как надо сердцем зачерстветь, чтобы на расстрелы каждый день ходить, как на работу?..

– Не все так просто, Матюшин, – ответил священник, прислушиваясь к недалекой стрельбе. Но договорить он не успел.

Автоматные очереди почти мгновенно прекратились, как будто кто-то отдал соответствующую команду. Что это могло означать? Что преследующие перебили всех уголовников? Наверняка. Значит, сейчас надо идти туда, чтобы сообщить командиру о своей страшной находке. Если не сообщить, то ведь седьмого будут продолжать искать. Сколько еще дней или недель будут без толку гонять по тайге солдат? А если все не так, вдруг подумал отец Василий. А если это уголовники встретили в лесу охотников, скажем, человек пять? Вот

и решили позабавиться и изрешетили свидетелей из автоматов, из баловства. Нет, отмахнулся священник, не может такого быть. Он ведь четко слышал, что, несмотря на эхо, на искажение звука, стрельба велась с разных направлений. Если невдалеке стреляют в твою сторону – это один звук, а если в противоположную от тебя, то – другой. Опытный человек это сразу определит. Нет, там была не просто стрельба, а перестрелка, причем очень ожесточенная, когда патронов не считают, а лупят, пытаясь подавить плотностью огня, залить свинцом обороняющихся или наступающих. Но этот вывод сразу тянул за собой и другой, очевидный. Уголовники были вооружены, причем автоматами. Возможно, что все шестеро. Даже наверняка все шестеро.

– Быстро, Матюшин! – крикнул отец Василий и бросился по низине в ту сторону, откуда только что слышалась стрельба. – Побежали туда!

Охотник вздохнул и неохотно побежал следом за священником. Меньше всего Матюшину хотелось сейчас оказаться рядом с этими нелюдями, пусть и связанными или даже мертвыми. Он обратил внимание, как отец Василий сорвал с плеча свое охотничье ружье и привычно держал его в руках во время бега. Как в кино, которое любит смотреть внук Матюшина, боевики называются. Чего хотел отец Василий, когда стал так спешить, охотник не понял, но раз священник так считает, то, наверное, так и нужно.

Через несколько минут Матюшин догнал отца Василия,

немного оттеснил его плечом и побежал первым, выбирая путь более удобный, чем тот, который выбирал священник. Бегал охотник еще очень неплохо, несмотря на свои… «А сколько же ему лет? – вдруг подумал отец Василий. – Шестьдесят, семьдесят, восемьдесят? Щуплый, морщинистый, загорелый, быстрый в движениях и медлительный в разговоре. Пожалуй, и шестьдесят можно ему дать, если учесть, что кожа ветрами и морозами у него так продубилась. А можно и восемьдесят, если учесть, что он все время в движении, все время на воздухе. М-да!»

Отец Василий специально старался не думать о том, что он сейчас увидит или узнает. Он старательно думал о Матюшине, отгоняя все другие мысли, и не сразу понял, что вокруг происходит что-то неправильное. Оказалось, что старый охотник бежит не как обычно – бесшумно скользя, как тень среди зарослей, а громко топая и шурша ветками и кустами на всю округу.

«А ведь он молодец, это я уже теряю хватку, – подумал отец Василий. – Там же вооруженные военные, которые только что вступили в бой с вооруженными бандитами. Если мы будем таиться и прятаться, то нас могут принять за других бандитов и встретить автоматными очередями, прежде чем разберутся. Они ведь должны издалека знать, что к ним кто-то бежит, не таясь. Тогда они нас остановят словами, пусть и с угрозой оружия, но не пулями».

– Эгей! – громко закричал отец Василий. – Эге-гей!

Остановили их через три минуты. Как отец Василий и ожидал, дорогу им преградили трое в бронежилетах и армейских касках в зеленых защитных чехлах. Один был постарше, но знаков различия под «бронником» отец Василий не разглядел. Наверняка офицер.

– Стоять! – тихо приказал офицер. – Ружья положили и руки в гору!

Некоторое время он рассматривал незнакомцев – щупленького пожилого человека с недельной щетиной и крупного мужика с широкой окладистой бородой с проседью.

– Кто такие, куда ломитесь, как слоны? И чего орете?

Инициативу на себя взял отец Василий, почувствовав, что охотник уступил ему роль старшего еще там, около остатков трупа. Он чувствовал, как от стволов автоматов нестерпимо пахнет сгоревшим порохом. Из них только что много стреляли в людей на поражение.

– Мы из Верхнеленского, – ответил отец Василий. – Это Матюшин, местный охотник, а я сельский священник. Шумно бежали и кричали, чтобы вы нас не приняли за преступников и случайно не подстрелили.

– Преступников? – удивился офицер. – О каких таких преступниках вы мне говорите?

– Перестаньте, – кисло перекривился отец Василий. – Не на стрельбище же мы попали в такой глухомани. К тому же метрах в пятистах по прямой в балке лежит труп беглого уголовника. Точнее, остатки трупа с признаками каннибализма.

Отец Василий заметил, как солдатики переглянулись, а на их лицах был написан неподдельный ужас от мысли, что командир может их послать за этими останками. Офицер глубоко вздохнул, посмотрел на свои запыленные берцы на ногах, потом снова на человека, представившегося священником.

– Значит, понимаете, что тут произошло? – спросил он уже другим тоном, видимо, поняв, что эти двое на уголовников или их пособников не похожи.

– Разумеется, – ответил священник, который чуть было не сболтнул, что они с Матюшиным по следам определили и количество уголовников. Этот факт мог снова офицера ввести в состояние подозрительности. Не поверит и арестует: «Откуда могли знать, что их шестеро, какие такие сказки про индейцев мне тут рассказываете?»

– Вот такие у меня дела, граждане, – мрачно заметил офицер и полез в планшетку. – На карте сможете мне показать, где ваше Верхнеленское, а где мы сейчас находимся?

– Я с трудом пока ориентируюсь, – ответил священник, – в тайгу почти не хожу, а вот охотник пусть попробует.

– Разберемся, – уверенно вставил Матюшин, – чай, в молодости в армии служил на границе. В картах еще кое-чего помню. Однако повезло нам с батюшкой, что вы их назад не погнали, а то в аккурат они на нас вышли бы.

– Мы их двое суток уже гоним, а они оторваться пытаются, – пояснил майор.

Охотник уставился на крупномасштабную карту, что-то пробормотал, а затем уверенно ткнул пальцем.

– Вот примерно здесь мы и находимся.

– Хреново! – сделал вывод офицер. – Дебри Амазонки. И связь не берет.

– С рацией вам на сопку надо подняться, – посоветовал Матюшин, – тут…

Охотник не успел закончить свою мысль, как рядом раздалась короткая автоматная очередь. В ответ сразу с трех сторон ответили еще три автомата. Сквозь стрельбу послышались злобные крики. Матюшин с удивлением осекся на половине фразы, а священник заметался глазами по деревьям и кустам. Военные сразу присели на корточки и потянули за рукава вниз и гражданских.

– Отстреливаются, суки! – скрипнул зубами офицер и сплюнул.

– Я думал, что вы их уже взяли, – расстроенно заметил отец Василий.

– Пойди и попробуй! – огрызнулся офицер. – У них шесть стволов и ящик патронов по вещмешкам рассыпан. А у меня пятнадцать бойцов, из которых девять пацаны еще, первогодки. Точнее, восемь, – зло добавил офицер. – И двое раненых. А они за валежником в овраге залегли. Главное, не обойти их ниоткуда, пропади она пропадом, эта тайга!

– Как же вы с такими силами оказались здесь? – удивился отец Василий. – Вы же знали, сколько их!

– Знал. Для очистки совести решил проверить этот маршрут, вот и взял с собой минимум, самых быстрых на ноги. А оказалось, что они как раз этой дорогой и пошли, суки хитрожопые. – Офицер покачал головой и добавил: – Сколько они делов натворили, в страшном сне не приснится…

И майор Фистенко начал рассказывать. Каким образом из «пересылки» удалось сбежать сразу четырнадцати уголовникам, в это его особенно не посвящали. Знал только, что совершено нападение на конвой, что у уголовников оказалось три «калаша» и два «макаровых». Беглецы сразу пошли, что называется, ва-банк. Они сразу отрезали себе все пути назад и всю надежду на дополнительный срок за побег. Действовали они как будто специально жестоко и грубо. При побеге было убито шестеро солдат конвойной роты. Причем троих убили в схватке, а еще троих, уже обезоруженных и не способных к самозащите, расстреляли ради собственного удовольствия.

Внутренние войска республики подняли по тревоге через тридцать минут. Отработанные до мелочей планы перехватов не сработали. Ни один! Преступники действовали будто специально вопреки здравому смыслу и логике. Они не все бросились скрываться. Не пошли они и к населенным пунктам, чтобы отсидеться у какой-нибудь «марухи». Не пошли и в безлюдные места, где их никто бы не увидел и не сообщил в милицию. Трое из них в течение суток гнали похищенный «ГАЗ-66» с военными номерами, отвлекая на себя силы и

внимание преследователей. В конце концов они бросили машину, и через четыре часа их взяли. Но они не знали, где в этот момент были еще одиннадцать бежавших. Им поверили, потому что стало ясно, что этот маневр был спланирован заранее и эти трое просто не должны были знать о планах основной группы.

Оказалось, что оставшаяся часть группы и не думала уходить далеко от места побега. Пользуясь тем, что след их потерян, они просидели двое суток в дренажной паводковой трубе. Ждали, когда из соседней части ПВО повезут молодых солдат на стрельбище. Судя по всему, побег готовился не менее года, а то и больше. В зоне хорошо были слышны выстрелы со стороны стрельбища, и преступники высчитали, в какое время года, с какой периодичностью молодых солдат возят стрелять.

Стрельбище было недалеко от части. За час преступники добрались туда пешком. Они убили офицера и одного из сержантов, согнали перепуганных солдат в старый бункер и подперли куском рельса дверь. В их распоряжении оказались три десятка автоматов, около тысячи патронов и еще один «макаров». Хуже того, в их распоряжении оказался военный трехосный «Урал».

О том, что взвод не возвращается со стрельбища, в части спохватились только к вечеру. Ни рация, ни мобильный телефон командира взвода не отвечали. Дежурная машина прибыла на место, когда преступники были уже в восьми

часах пути на машине. Причем в любую сторону. Им удалось проскочить все кордоны и посты, пользуясь военными номерами и формой. Это и не удивительно, поскольку в те дни военных машин сновало по республике очень много. Когда пришло сообщение из части ПВО о случившемся, а этот срок преступники тоже просчитали, стали искать военный «Урал» с конкретными номерами. И тут уголовники снова оказались на шаг впереди своих преследователей. Тут впервые и возникло предположение, что как минимум один из них владеет определенными и серьезными навыками. Ориентировки пополнились не только описаниями беглецов, но справками из их жизни. Один из беглецов оказался бывшим спецназовцем. Естественно, что все их связи в Якутии, если такие были, и за ее пределами были надежно блокированы. Нашелся и брошенный военный «Урал».

Машину нашли в таком месте, что предположить можно было лишь два пути дальнейшего движения уголовников. Один путь через глухую непроходимую тайгу к берегам верховьев Лены, где можно было уйти по воде. Второй путь – к ближайшему населенному пункту и к железной дороге. Населенный пункт – это продукты, одежда. По железной дороге, забравшись и спрятавшись в товарных составах, можно было исчезнуть в любом направлении. И никто бы не угадал, где уголовники спрыгнули с поезда. Через триста километров около Байкала, через пятьсот в районе Хабаровска или через тысячу в районе Новосибирска. Это была бы полная

катастрофа.

Роту спецназа внутренних войск майора Фистенко, как самую ближайшую, бросили к месту обнаружения угнанного «Урала». Майор, прошедший Афган и Чечню, сразу заподозрил, что найдутся недоумки, которые рискнут уйти в тайгу. Он считал это дело безнадежным, но проверить все же решил. Роты, предварительно прочесав все окрестности и не найдя никаких следов, он отправил в населенный пункт. Он знал, что бойцы, во главе с его заместителем, вывернут поселок и всю местность вокруг него наизнанку. Беглецы постараются уйти на товарняках ночью, потому что днем их обязательно засекут. Значит, у них должна быть в окрестностях лежка или даже несколько. Уходить они будут несколькими группами в разные стороны. Это тоже было логично. Но тех, кто мог уйти в тайгу, тоже надо было взять. Тем более что туда они могли далеко и не углубляться, а лишь попытаться это сделать. Никто не мешает тем, кто все же рискнет, вернуться спустя некоторое время назад и тоже попытаться воспользоваться железной дорогой, например, в ста километрах от поселка.

Фистенко взял с собой всего пятнадцать бойцов, отбирая их не столько по опыту, – опыт в этом преследовании, если они обнаружат следы, был не особенно важен, – а по выносливости, чтобы пройти по весьма пересеченной и сложной местности за короткое время большое расстояние. С рацией и небольшой группой он планировал пройти по тайге хотя бы

сутки. За это время будет совершенно точно понятно, есть следы или нет. Следы он обнаружил, но еле заметные. По его предположению в тайгу подались двое, максимум трое уголовников. Или абсолютно неопытные придурки, либо самый костяк группы.

Очень быстро из поселка пришло сообщение, что взяли двоих, а спустя три часа еще двоих. Майор не сомневался, что всю группу скоро накроют и станет понятно, скольких он преследует. Рация в сопках замолчала. Сначала спецназовцы подумали, что попали в неблагоприятную зону, но потом выяснилось, что рация вышла из строя. Через четверо суток Фистенко понял окончательно, что он преследует действительно тех самых беглых уголовников и что их больше пяти человек. Самое главное, что в их составе был опытный спецназовец, который провел всех в округе, как мальчиков. Возвращаться было уже нельзя, потому что уголовники скроются и, когда майор сможет сообщить о них, те будут очень далеко.

А тридцать минут назад Фистенко со своими бойцами их догнал. И сразу вступил в огневой контакт. Он не знал, удалось ли его группе кого-нибудь убить или ранить из уголовников, но сам он потерял одного убитым и двоих раненными. Тринадцать человек против шестерых – не такое уж существенное преимущество, когда отсутствует возможность маневрировать и применять навыки спецназа. Ситуация была до идиотизма простой. Впереди был небольшой овраг, кото-

рый не обойти ни справа, ни слева. Овраг и подступы к нему завален сушняком, все обильно заросло кустарником и древесным подростом. Лобовая атака невозможна, потому что из оврага спецназовцев перебьют за тридцать секунд. Сами же спецназовцы преследуемых не видели. Высидеть в такой ситуации ничего толкового было невозможно. Можно ждать неизвестно чего и сутки, и двое, и больше.

– Вы эти места знаете? – спросил майор Матюшина. – Что там у них за спиной, за этим овражком?

– Места тут нехоженые, – уклончиво ответил охотник. – Так уж чтобы совсем нельзя было пройти, такого не бывает. Другое дело, что трудно пройти.

– Короче! Могут они скрытно отойти и исчезнуть в тайге?

– Могут, наверное, – согласился Матюшин. – Только тихо этого не сделаешь, в таких зарослях обязательно шум будет. А вообще-то места тут труднопроходимые. Охотники сюда не ходят.

– Твою таежную мать! – раздраженно рявкнул майор. – Судьбу ее за душу и в селезенку! Завел я пацанов. Ни туда, ни сюда ходу нет. И гранат нет, а то забросал бы их к чертовой матери!

– Майор, не кипятись, – тихо сказал отец Василий. – Они ведь тоже не дураки, по твоим рассказам. Им ведь тоже деваться некуда. А если им предложить сдаться? Для них это серьезный шанс хоть на какую-то жизнь, пусть и в спецлаге.

– Ты что, батюшка, не понял? – вытаращил глаза офи-

цер. – Это же волчары, дикие звери! Они клыками и когтями нас драть будут, но попытаются прорваться. Это же понимать нужно, какая в них сейчас ненависть! Хотя вам-то откуда это знать, священнику? Вы ведь больше специалисты по любви к ближнему своему. Вот и любите их, только издалека, а я их сожгу заживо ракетницами, вон сколько там сушняка. А кто из огня прорываться будет, тех покосим очередями. Мне мои пацаны дороже!

У отца Василия по спине побежали мурашки, когда он понял, что затеял Фистенко. Скорее всего, выхода у майора не было. Упустить уголовников он не имел права и обязан был принять все меры к их задержанию или уничтожению. Взять он их не мог, и надежно блокировать – тоже. Оставалось одно – уничтожить всеми доступными способами. И еще он должен был сберечь своих бойцов.

Священник смотрел на двоих спецназовцев, которые сидели рядом с ними на земле. Не очень опытные пацаны, хотя и здоровые. Вид у них был не столько испуганный, сколько растерянный. И на командира они смотрели с большой надеждой. Где-то там дальше, рассредоточившись и заняв позиции, лежали еще десятеро. Не слишком надежный заслон, если среди этих десяти тоже есть неопытные пацаны. Озверелые бандиты могут в любой момент обрушить шквал огня из шести стволов и ломануться на прорыв. Что тогда будет? Если не упиваться особым оптимизмом, то, скорее всего, уголовники прорвут кордон, половина спецназовцев бу-

дет убита или ранена, а оставшиеся перебьют нападавших. Только нет гарантии, что один или двое, самых шустрых, не прорвутся и не уйдут в тайгу. Это будет называться пиррова победа. Или как сказал в сериале «Спецназ» один генерал: «Это не пиррова, а херова победа». Преследовать этих уцелевших майор не сможет, потому что у него даже сейчас один «двухсотый» и два «трехсотых». А после этого короткого боя их будет вдвое больше. Как он сможет бросить раненых, особенно тяжелораненых? С остатками своего отряда он не сможет их даже вынести из тайги. Значит, неизбежная смерть еще кого-то. Отправить одного-двоих за помощью и смотреть, как раненые умирают? Мучительно и тяжело, зовя мамку и отчаянно ловя взглядом взгляд командира, который их привел сюда.

Бывший спецназовец Миша Шатунов прекрасно понимал ситуацию, всю ее безысходность. Понимал он и то, что у командира есть только один шанс, и майор его использует. И будет тысячу раз прав. Но отец Василий не мог смириться с неизбежным, душа священника не принимала такого исхода. Он должен был попытаться выполнить свой долг. Долг перед всеми, в том числе и перед собой.

– Майор, дай им шанс, – попросил священник офицера, – им и мне.

– Ты о чем? – не понял Фистенко. – Какой, к лешему, шанс?

– Я пойду парламентером и попытаюсь уговорить их

сдаться.

– Спятил? – искренне удивился майор и посмотрел на священника, как на безнадежно больного, постучав костяшками пальцев себе по лбу. – Ты хоть на граммулечку представляешь, с кем собираешься переговоры вести?

– Очень хорошо представляю, майор, – ответил хмуро священник. – Ты даже не знаешь, насколько я хорошо представляю. И все же я должен попробовать.

– Какие разговоры, когда на них чужой крови по полведра на каждого?

– Вот ради тех, кого они убили, и стоит попробовать. А еще ради твоих пацанов, которые станут свидетелями и участниками того, что ты задумал. Ты о них подумал? Как они после этого дальше жить будут?

– Твою ж мать! – почти простонал Фистенко и закрыл лицо грязными ладонями. – Что ты мне душу рвешь, поп! Предложи другой выход, и я с радостью соглашусь. А потом свечку богу поставлю и упаду в ноги матери вон того парня, который рядом лежит с простреленной головой.

– Дай мне поговорить с уголовниками, – твердо сказал отец Василий. – А потом поступай так, как велит тебе долг. Знаю, что другого выхода у тебя все равно нет.

– Валяй, – тихим усталым голосом согласился офицер. – Ты не мой подчиненный, и за твою жизнь я не отвечаю. Правда, она тоже будет на моей совести.

– Не терзайся, командир, – улыбнулся священник и поло-

жил майору руку на плечо, – моя жизнь в руках Господа, и он убережет меня. Но у меня тоже есть долг, как и у тебя. И свой долг мы оба выполним.

Майор поднялся на ноги и, махнув рукой, повел отца Василия вперед. Через несколько шагов он пригнулся, всматриваясь вперед, оценивая ситуацию. Удовлетворенный, он присел на одно колено и предложил священнику сделать то же самое.

– Вон туда посмотри, – предложил Фистенко и показал пальцем чуть назад и в сторону.

Отец Василий оглянулся и увидел мертвого солдата. Руки и ноги у него были безвольно разбросаны. Он так и лежал, как его положили товарищи, выволакивая из-под огня. Лицо убитого было накрыто каской, но под затылком темнела большая лужа крови.

– Вот об этом помни, когда будешь говорить, – сказал майор. – А теперь смотри: чтобы тебя услышали и не подумали, что это мои фокусы, проползешь вон до того камня, а затем влево. За той толстой сосной можешь подняться в полный рост, только особо не высовывайся, а то снимут в два счета, как в тире. Если ничего не получится и они начнут палить в тебя, то мы прикроем огнем. А ты бросаешься на землю и этим же путем сюда. Понял?

Священник кивнул и пополз, демонстрируя хорошую выучку. Майор посмотрел и покачал головой. Видать, у этого попа за плечами армия, технично ползет.

Стараясь не наползать на сухие сучья, а где это было неизбежно, убирая их со своего пути, отец Василий полз к намеченному камню. Шороха в сочной траве практически не было. Добравшись до первого укрытия, священник не стал бросаться к сосне, а перекатился к ней и замер. Или его не заметили из оврага, или выжидают. Других движений вокруг не было, значит, уголовники не видят в нем особой опасности. Но, скорее всего, просто не заметили.

Отец Василий поднялся в полный рост и прижался спиной к толстому стволу дерева.

«Господи, – думал он, глядя сквозь густую листву и кроны деревьев на голубое небо, – помоги мне. Дай мне нужные слова, открой глаза и уши тем, к кому я обращаюсь. Сделай так, чтобы слова мои дошли до них. Не допусти, Господи, жестокого убийства. Прости их, Господи, ибо они не ведают, что творят. Открой их сердца навстречу тебе. А если по воле твоей суждено случиться неизбежному, не осуди тех, кто это совершит, ибо это долг их перед людьми, которых они призваны защитить. Благослови, Господи, воинов твоих, помоги им пережить то, что они увидят и испытают, укрепи их сердца».

Майор смотрел на священника и думал, что тот просто боится, стоя под сосной и шевеля губами. Потом до него дошло, что священник просто молится.

«Мужественный все же поп», – подумал офицер.

– Эй, вы, там, в овраге! – крикнул отец Василий. – Ребята,

послушайте меня!

– Кто там вякает! – послышался злобный голос в ответ.

– Послушайте, – поспешно заговорил отец Василий, – я не солдат, я священник.

– Ни хрена себе, – удивились в овраге, – вот это заходы! Ты че, падаль, за лохов нас держишь? Из-под земли попа выкопали?

– Я действительно священник и оказался здесь случайно, с охотником. Я попросил командира разрешения поговорить с вами.

– Ты лучше заупокойную почитай, поп! – заржали в овраге. – По убиенным. Мы их тут всех покрошим, а ты отпевать будешь.

– Ребята, они не дадут вам уйти, поймите вы. Некуда вам отсюда деваться.

– Это мы еще посмотрим! Попытались сунуться, мы им быстро красную юшку пустили. Не хер нас пугать!

– Послушайте меня, пожалуйста, – попросил отец Василий, – просто послушайте, а потом решайте сами. Я же священник, мне врать негоже.

– Пусть говорит, хуже не будет, – не очень громко сказал кто-то в овраге, наверняка пользующийся авторитетом.

– Говори, поп! – крикнул снова молодой развязный голос. – Говори, а мы послушаем. Только ты из-за дерева выйди, а то мы тебя не видим. Вдруг ты с пушкой и в каске, вот смеху-то будет.

– Я выйду, только обещайте не стрелять. Я с миром к вам пришел.

– Не ссы, мы с попами не воюем! Давай выходи!

Отец Василий перекрестился и сделал шаг в сторону, выходя из своего укрытия. Он стоял совершенно безоружный метрах в шестидесяти от ближайших кустов. Тех, кто укрывался в овраге, он не видел, и от этого было очень неуютно. Страха не было, была только надежда и еще вдохновение, как перед предстоящим большим и важным делом.

– Ребята, я в самом деле священник сельского храма, – заговорил отец Василий ровным спокойным голосом. – Не смотрите, что я не в рясе; в тайгу в рясе ведь не пойдешь, не та одежда. Но поверьте, что я самый настоящий священник и пришел, чтобы помочь.

Отец Василий специально старался говорить много, а не рубить короткими логичными фразами. Он понимал, что душевные интонации в его деле важнее холодной озлобляющей логики. Ведь родились они не преступниками, были же у них матери и детство. Надеялся отец Василий еще и на ассоциации. Даже у неверующего человека, а он знал это точно, отношение к священнику, как правило, уважительное. Люди привыкли считать священников людьми особыми, считали их, порой неосознанно, облеченными силой убеждения, заставлявшей и их прислушиваться к себе, и посвятившими жизнь служению богу. Были, конечно, и такие, кто считал священников шарлатанами, а церковь – сплошным обманом.

Цитируя Вольтера и Ленина, «религия – опиум для народа». Но сейчас отец Василий надеялся на крупицы уважения к священникам большинства простых людей.

– Ребята, командир спецназовцев рассказал мне все о вашем побеге. Знаю я вашу историю, но я вас не осуждаю. Грех на вас большой, кровь на вас, но выход все равно есть. Выход в том, чтобы не случилось больше ничего страшного. Хватит убийств. Если вы сдадитесь, то вас не убьют. Вы же знаете, что теперь смертной казни у нас в стране нет. Что вам, тюрьма страшна? Нет, для вас это место привычное. Отсидите, зато живы останетесь, других не убьете. Даже если и пожизненное заключение кому дадут, так ведь это же не смерть, а возможность раскаяния. Я не знаю, зачем вы решились на побег, все равно ведь ничего не получилось.

Отец Василий говорил быстро, надеясь, что ему дадут договорить до конца. Он собирался продолжать свою речь, если понадобится, до самой ночи, хоть до утра, лишь бы его слова дошли до них.

– Ребята, я местный, знаю, что говорю. Уйти тут вам некуда. Если решите принять бой, то погибнете все, даже если солдат побьете. А ведь за ними идут другие, и выхода у вас нет. Вы думаете, что жизнь ваша только в этом, считаете истинной жизнью лишь этот миг, отпущенный вам Господом на земле. Но жизнь на этом не кончается. Душа человеческая бессмертна, и не заставляйте ее мучиться в вечном раскаянии на том свете. Поверьте, я многое испытал в этой жизни

и знаю, что страшнее душевных мук нет ничего.

Отец Василий был как в трансе. Он говорил и говорил, буквально захлебываясь словами, которые рвались из его сердца с кровью, раздирая ему душу. Но в какой-то момент священник почувствовал, что в овраге уже все не так, как было вначале. То ли атмосфера стала другой, то ли он уловил на грани подсознания движение, звук металла. Скорее всего, интуиция подсказала, что его больше не слушают. Кто-то, кто всем там распоряжался, отдал приказ. Злоба над оврагом поднялась плотная, как марево, и отец Василий почувствовал ее – душой священника и опытом спецназовца. Все, слова больше ничто! Где-то там, в кустах, стал поворачиваться ствол автомата, ловя на мушку грудь говорившего. Остроконечная автоматная пуля ждала удара по капсюлю, чтобы рвануться с огнем и впиться в человеческое тело.

В последний момент, за долю секунды до выстрелов, отец Василий рухнул на землю и откатился за большой надежный камень. Он слышал, как свистнули над головой пули, как они впились в ствол сосны, около которой он только что стоял. Полетела хвоя и щепки. Отец Василий лежал, как в тумане. Отчаяние заполнило все его существо – не поверили, не поняли, не послушались! Не смог! Время для отца замедлилось, или ему это только так казалось в состоянии психологического срыва? Где-то впереди за кустами послышался протяжный пульсирующий вой отчаяния промахнувшегося стрелка, только вой был как на пластинке, которую крутили

на слишком медленных оборотах. Гулкие и протяжные выстрелы ударили из-за спины священника. Ему казалось, что он видит, как пули пронеслись к кустам, разрывая на лету влажный лесной воздух. Разлетались и падали срубленные пулями ветки кустов и деревьев, вспыхивали ответные выстрелы. И очень медленно, с жутким шипением пошли в сторону кустов сигнальные ракеты, рассыпая по пути искры и хищно крутя дымными хвостами. Одна, вторая, третья. Они врезались в сухой валежник, и он послушно вспыхнул, а ракеты, ударяясь о стволы деревьев, камни и землю, подскакивали, отлетали, разбрызгивая огонь и дым, метались, как на шабаше ведьм. Среди полыхавшего в овраге огня стали появляться неясные фигуры, объятые пламенем. А ракеты все летели и летели. И человеческие силуэты натыкались будто на стену и валились снова назад, в дым и огонь. Одна из них выскочила с протяжным нечеловеческим воем, и дымный след ракеты уперся ей прямо в лицо. А автоматные очереди все хлестали и хлестали по этому огню. И длилось это целую вечность.

– Батюшка, ты живой? – спросил кто-то и потряс священника за плечо.

Отец Василий не обернулся на голос. Он тяжело, как после долгой болезни, поднялся на ноги и, шатаясь, побрел туда, где недавно его слушали и отвечали люди. Живые люди. Они смеялись, матерились, но отвечали. Теперь их нет. Теперь там, где была плоть, – кровь и смерть. Смерть, по-

множенная на животный страх, отчаяние и злобу. Где-то еще догорал сушняк, дымилась трава и остатки кустарника. Покрытые копотью солдаты, закинув за спину автоматы, жердинами сбивали пламя, растаскивали горевшие по сторонам сучья и сталкивали к днищу оврага, где струился черный от гари ручей. Яркими красными отблесками в нем отражался огонь. И от этого ручей казался полным крови.

В ногах была такая тяжесть, будто к ним привязали пудовые гири. Все было кончено. За какие-то две минуты, в которые огонь поглотил сушняк в овраге, кусты, нижние ветви деревьев и людей. Для него они все равно были людьми, созданиями божьими.

Священник тяжелым шагом двинулся вперед, к оврагу. Тела, точнее, обожженные туши, почерневшие, со следами одежды и обуви. Еще несколько секунд назад они метались в огне и падали под пулями, выбегали, полыхая огненными факелами, а их косили автоматные очереди. На некоторых были черные зэковские робы, на некоторых солдатский камуфляж, который уголовники прихватили со стрельбища вместе с оружием.

От дыма и запаха горелой человеческой плоти было нечем дышать. Отец Василий, путаясь пальцами в пуговицах своего ватника, пытался освободить грудь. Рванул фланелевую рубашку, и пуговицы полетели в разные стороны. Дышать все равно было нечем, а пальцы непроизвольно нашли на груди маленький серебряный нательный крестик и сжали его.

Тела валялись в самых неестественных позах, конечности скрючены. Все вокруг было черно, только кровь на телах была удивительно красной. Отец Василий посмотрел на ближайший труп, у которого вместо лица был лишь оскаленный, почти обнаженный череп с лоскутами кожи и мышц. Казалось, что он улыбался.

– Господи, прости им, – шептал отец Василий, – Господи милосердный, всемилостивейший, не оставь их, Господи. Помоги мне, Господи, ведь я не смог спасти их.

Священник стоял посреди пепелища и молился. Он не слышал, как распоряжался майор. Как он диктовал одному из сержантов под запись описание тел, по которым их можно было бы идентифицировать. Несколько солдат саперными лопатками копали яму. Двое, еле сдерживая рвотные позывы, тащили на куске брезента останки, которые недавно нашли Матюшин с отцом Василием. Потом обгорелые трупы стали стаскивать к вырытой яме. Потом их засыпали землей и завалили камнями. Майор покрикивал на своих солдат, чтобы наваливали камней еще больше. Скоро здесь работать следственной группе. Плохо, если хищники раскопают и попортят и так изувеченные тела. Наконец все было кончено.

– Батюшка, мы уходим, – послышался рядом голос Фистенко. – Спасибо, что хотели помочь.

Отец Василий обернулся и посмотрел на маленький отряд спецназовцев. Двое подготовленных носилок лежали на траве. На одних лежал мертвый солдат. На вторые укладывали

раненого. Еще один раненый собирался идти самостоятельно.

– Сколько вам идти назад? – спросил священник.

– Боюсь, что дня четыре, – хмуро ответил майор. – Можем одного не донести, умрет по дороге.

– А если к нам, напрямик? – понял мысль священника Матюшин. – До Верхнеленского не близко, почитай, суток трое. А если напрямик, до Столбов? Это скалы такие на берегу Лены. Там, глядишь, и рыбаки на лодках попадутся, можно и плот связать. Дня за два вполне можно дойти. А то и быстрее. А уж по воде так совсем быстро получится.

* * *

Страшно злой Прокопенко смотрел себе под ноги и слушал разошедшегося Пашутина. Ему давно хотелось дать старому коммунисту в морду, но должность муниципального управляющего обязывала терпеть и решать все миром, демократично. Предприниматель Овчаров, с которым Прокопенко только что вышел из здания правления, смотрел на Пашутина с большим интересом. Еще бы, такой реликт и спустя почти десять лет после прихода в страну хоть какого-то капитализма! Овчаров понимал, что треп старого коммуниста ему лично и его делу не грозит никоим образом, поэтому он слушал так спокойно. У Прокопенко же Пашутин сидел в почках, селезенке и еще где только можно.

– Вы грабите свою родину, уродуете природу! – вещал Пашутин на всю улицу. – А все ради чего? Ради своей грошовой прибыли, ради страсти унизить своего же соотечественника тем, что наняли его к себе работать и платите ему крохи!

– Кого же это я ограбил? – со смехом поинтересовался Овчаров и многозначительно переглянулся с Прокопенко. – Какую природу изуродовал?

– Своими коровниками! От одного капиталиста и кровопийцы избавились, так нашелся другой!

Речь явно шла о том, что Овчаров выкупил арестованное по суду имущество предпринимателя Косачева, который в прошлом году пытался построить ферму и прогорел с кредитами. А его братец вообще угодил в тюрьму, едва не прихватив с собой и самого предпринимателя.

– Не, ты видал, Прокопенко? – рассмеялся Овчаров. – Я – кровопиец! Пашутин, а кто в вашем селе получает зарплату выше, чем мои рабочие?

– Нет, вы слышали? – возмутился на всю улицу старый коммунист. – Речи-то какие! Мои рабочие! Он уже и на людей собственность декларирует.

– Не связывайся, – посоветовал Прокопенко.

– Не буду, – с ухмылкой согласился предприниматель.

Он поманил Пашутина к себе пальцем, наклонился к его уху, что-то шепнул и деловым шагом двинулся по улице. Захлебнувшийся от возмущения Пашутин не сразу нашелся, что сказать.

– Ты… да я таких… он еще смеет так разговаривать с народом, который его кормил и поил, пока он образование получал! Он меня еще посылает!

Около правления собралась уже приличная, человек в шесть, толпа. Преимущественно женщин. Все с сожалением смотрели, как в сторону правления идет отец Василий. Было совершенно очевидно, что Пашутин сейчас перекинет свой гнев именно на него.

– Пашутин, добром прошу – уймись, – сморщившись, как от зубной боли, проговорил Прокопенко.

– Вот еще один! – ткнул коричневым прокуренным пальцем в сторону священника Пашутин. – Тоже слуга народа! Тоже радеет о его благе, но и покушается на души.

– На души покушается дьявол, а я забочусь о духовности, – поправил его отец Василий. – А из-за чего, собственно, сыр-бор?

– А из-за того, что народу покоя не дают, жить мешают. Один грабит и наживается за счет пота народного, другой в религиозную тьму толкает.

– Да, – восхищенно покачал головой священник, – такой формулировки я еще не встречал в своей жизни! Это надо же так загнуть – религиозная тьма. Прокопенко, ты ему что, на мозоль с утра наступил?

Управляющий зло сплюнул и ушел в правление.

– А как же не тьма? – разошелся Пашутин. – Вон, даже ряса и та черная!

– Черный цвет одеяния – признак смирения, – терпеливо возразил отец Василий и обратился к женщинам: – Участкового нашего никто не видел?

– Смирение? – продолжал почти уже орать Пашутин. – Смирные дома сидят и никого не трогают. А вы в черных одеяниях – охотники за детскими душами!

– Пашутин, – спокойно позвал отец Василий. – Вы чего добиваетесь? О душе подумать пора, а вы все в мировую революцию играете.

– Народ еще проснется от многовековой спячки и железной рукой сломит…

– …гнет самодержавия, – продолжил мысль священник.

– Ваш гнет! Гнет торгашей, дельцов с их грязными деньгами и охмурителей детских душ.

Пашутину наконец надоело орать, или он устал, поэтому, повернувшись спиной к собравшимся и продолжая размахивать руками и вещать, он двинулся к себе домой.

– Вот беда-то в селе, – сокрушенно покачал головой священник, глядя вслед Пашутину. – Беда так беда.

– Батюшка, вы не обращайте внимания, – загалдели женщины, – собака лает – ветер носит. Пашутин – известный злыдень. При советской власти очень уж ему вкусно жилось, а теперь он топор без топорища. И тот ржавый. Вы вон, как Овчаров, пошлите его куда подальше и не расстраивайтесь.

– Ай-ай-ай, – покачал головой отец Василий. – Что же вы мне такое предлагаете? Обругать человека?

– Ой, батюшка, простите! Мы, не подумав, брякнули! – снова заверещали женщины. – Известное дело – бабы. Волос длинный, ум короткий.

– Ох уж мне ваши языки… – с укором сказал священник и поспешил к показавшемуся в конце улицы участковому Белоусову.

Подтянутый и наглаженный милиционер выглядел, не в пример бывшему участковому Рогову, опрятно. Строгий взгляд из-под козырька фуражки с высокой тульей остановился на сельском священнике.

– Что опять случилось, отец Василий?

– Пора бы вам, Павел Борисович, вмешаться, – обратился с просьбой священник. – Поговорили бы вы с Пашутиным по душам, что ли. Что же это такое! Сплошная хула на всех и вся. Ладно, если только словами все ограничивается, но он ведь и Гусева подначивает. Вот опять забор храма масляной краской измазали.

– У вас есть доказательства, что это сделал именно гражданин Гусев по предварительному сговору с гражданином Пашутиным?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.